

Старовойтова Ольга Альбертовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
o.starovoytova@spbu.ru

Семантика и функциональный потенциал префиксальных отэтнонимных глаголов в русском языке XIX в.

Для цитирования: Старовойтова О. А. Семантика и функциональный потенциал префиксальных отэтнонимных глаголов в русском языке XIX в. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (2): 272–290. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.208>

Социоисторические события в жизни того или иного этноса неизбежно требуют создания метаязыка, вследствие чего в русском языке XIX в. появляются соответствующие языковые единицы, напр. производные от названий наций и народностей (этнонимов). Особый интерес представляет глагольная лексика данной группы, которая по большей части являет собой лексические новации этого времени. Находясь на пересечении двух важнейших языковых тенденций — реализации потенциала словообразовательной системы языка и необходимости языкового выражения новых понятий из разнообразных сфер общественной жизни, — мотивированные этнонимами глаголы образуют постоянно пополняющуюся группу лексики. Появившись в русском языке XIX в., они стали показателем необычайной активности национального языкового сознания, проявляющейся в характере словопроизводства, подтвердив, таким образом, деятельностный характер словообразования. Конфиксальная модель с префиксом *о-* (*об-*) являлась господствующей и универсальной для рассматриваемой лексики, но постепенно с ней начинают конкурировать модели с другими префиксами, напр. *за-*, *из-*, *по-*, и некоторые другие (*зарусить*, *исфранцузиться* и под.). С помощью префиксов варьируется количественная модификация степени признака. Сема интенсивности, актуализирующаяся в том числе благодаря префиксу, может выступать в качестве средства, формирующего экспрессию. Как известно, экспрессивность в речевой деятельности всегда направлена на реципиента, поэтому роль глагольной экспрессивной лексики в порождаемом тексте необычайно велика. Активное употребление отэтнонимных глаголов с различными префиксами в разножанровых текстах XIX в. демонстрирует значительный потенциал глагольной лексики в системе образных средств (интенсивность, экспрессивность, оценочность и стилистическая характеристика языковой единицы оказываются связанными между собой). Появление у них оценочности, основанной на эмоциональном отношении к действительности, и стилистического статуса определяется антропоцентричностью.

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология, историческое словообразование, префиксальная глагольная лексика, глаголы, мотивированные этнонимами.

Введение

Новое время, в границах которого выкристаллизовывался русский литературный язык, представляет значительный исследовательский интерес: и XVIII, и XIX вв. отмечены языковыми процессами, сыгравшими огромную роль в развитии языка того времени и получившими развитие в дальнейшем (появление значительного числа лексических и семантических новаций, формирование новых словообразовательных гнезд и расширение состава старых, образование на основе аналогии рядов слов по одному типу и др.). Появление новых тематических и лексико-семантических групп наряду с пополнением уже существующих всегда представляло интерес для изучения лексического состава языка, однако на современном этапе научных изысканий, характеризующемся антропоцентризмом, важно сконцентрировать внимание на слове как важнейшем источнике знаний о человеке, его эмоциях, интеллекте, отношении к миру. Таким образом, в первую очередь должен приниматься во внимание неоднократно отмечаемый деятельностный характер словообразования [Земская 1992; Вендина 2002].

Названия этносов и их представителей в любом языке пополняют его словарный состав, выполняя различные функции. Сложение системы этнонимов в русском языке, по данным исследований, в основном приходится на XVIII в. Расширение контактов России со странами Европы, экспансия в Центральную Азию и на Кавказ, освоение Сибири и Дальнего Востока — все эти процессы сопровождались значительным увеличением числа наименований лиц по местности и этнической принадлежности [Богородский 2004: 48].

Таким образом, многие наименования лиц по этнической принадлежности, или этнонимы, в русском языке оказываются непосредственными или опосредованными свидетелями исторических, социальных, культурных событий, а также отражением ментальных процессов. Бесспорным является утверждение о том, что «изучение собственно этнонимов важно в первую очередь для истории и истории языка» [Этнонимы 1970: 3], однако значимость данной группы лексики в языке и языковой картине мира его носителя неизбежно должна привлечь внимание к словообразовательным процессам, базу которых она составляет.

Особый интерес среди разнообразной лексики, производной от этнонимов, на наш взгляд, представляют глаголы. Изучение глагольного словообразования в грамматическом, семантическом и стилистическом аспектах, в диахронии и синхронии перспективно и показательно, так как глагол играет важную роль в отражении действительности и ее представленности в человеческом сознании и языке: действие несет на себе печать «духа народа», а отображающие его глаголы входят в «фонд слов, отражающих мировоззрение народа» [Арутюнова 1992: 3].

Обзор литературы

Отдельные производные от этнонимов глаголы употреблялись в русском языке еще в XVII в. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» встречаются лексемы *облатынити* [Словарь XI–XVII 1987: 68], *полатынити* [Словарь XI–XVII 1990: 197], *потурчити(ся)* [Словарь XI–XVII 1992: 29]. Их значение связано с обращением/переходом в иную веру и в случае первых двух глаголов мотивировано, веро-

ятнее всего, не названием этноса, а названием представителей соответствующей конфессии, ср.: Лати(ы)ни: 2. *Католики* [Словарь XI–XVII 1981: 178]; Латини(ы)нь: 3. *Католик* [Словарь XI–XVII 1981: 178–179]; Лати(ы)нникъ: 1. *Приверженец католицизма, католик* [Словарь XI–XVII 1981: 179]. Данное обстоятельство представляется основанием для их отдельного описания, и поэтому их история и дальнейшая судьба в русском языке в настоящей статье не рассматриваются.

К XIX в. прежние отношения с соседями у жителей России приобретают все более обобщенный характер межэтнических (межнациональных) отношений, которые определяются следующим образом: это «формирующиеся с учетом исторических особенностей развития общества связи между нациями (этническими группами) в различных сферах жизнедеятельности и уровнях — от национально-личностных до государственных, представляющие один из видов социального взаимодействия, которые носят интегральный характер и охватывают все сферы общественной жизни» [Гусаева 2012: 53].

Приведенное определение подчеркивает многоплановый характер этноориентированных проблем, что не могло не отразиться на словопроизводстве, которое чутко реагировало на потребности в новых словах, отражающих новые связи и отношения, новые этносоциальные процессы и конфликты, напр.:

«..не русские-ли переняли то или другое у Мордвы, как облюбили кое где татарское омовение, заговорили на каком-то новом ломанном языке с манзами, очеркесились^{1,2} на Кавказской линии и объякутились в Якутской области» [Майнов 1885: 2].

Национальный вопрос в XIX в. становится важнейшим предметом для рефлексии и дискуссии, о чем свидетельствуют различные источники современников. «В то время как на Востоке политика удалялась от национальных основ и начало народности было теснимо в ней вопросом о дипломатическом преобладании того или другого государства, (...) в самой Европе все сильнее и сильнее пробуждался вопрос о правах народностей и выступал на первый план» [Попов 1869: 251]. Именно в XIX в. в русском языке начинается бурный процесс образования отэтнотимической (отэтнотимной) глагольной лексики. Ее появление было вызвано не только активными социокультурными и геополитическими процессами, связанными с существованием и взаимодействием этносов, но и необходимостью описания, характеристики, анализа подобных взаимоотношений, а также их оценки.

Следовательно, отэтнотимная группа лексики является зоной повышенной словообразовательной активности, требующей особого исследовательского внимания, поскольку «в словообразовательно маркированных единицах языка так или иначе эксплицируется информация о системе ценностей этноса, раскрываются особенности его мировидения, мироощущения и мировосприятия» [Вендина 2002: 11].

Отэтнотимная глагольная лексика, характеризующая взаимоотношения этносов на разных уровнях — от межличностного до межнационального, межгосу-

¹ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, выделено нами. — О. С.

² Все примеры из дореформенных изданий в настоящей статье приводятся с изъятием ера, заменой ѣ на е, і на и, орфография и пунктуация источников сохранены.

дарственного, используется преимущественно в текстах определенной тематики — исторических, социологических, этнографических:

Полян образовала и изменила история, опытность, а не приплыв новых стихий; иначе должно бы предположить, что наши славяне переродились и столько же **оваряжились**, сколько варяги **ославянились** [Кавелин 1847: 12];

Но (...) полонизм силится убедить, что правительственные меры, в этом отношении, имеют целью только **опрусачить** население [Ратч 1867: 10–11];

Нельзя поверить, как Англичане в теперешния времена **офранцузились**. Им недостает только кошельков и шпаг (...); но с визитами ездят они в сем <с завитыми волосами, собранными в пучок и обильно посыпанными пудрой> наряде [Мориц 1804: 120].

Таким образом, очевидная злободневность подобной лексики и продуктивность словообразовательных моделей привели к тому, что на протяжении всего XIX в. в русском языке появляется значительное количество отэтнонимных глаголов, обозначающих влияние одного этноса на другой путем придания/приобретения каких-либо свойств, качеств в результате действия (*обрусить/русифицировать/обруситься/обрусеть* и под.) [Старовойтова 2013]. Они входят в состав подполя изменения качественного состояния деривационно-аффиксальной ЛСГ, «наиболее распространенной и значимой для языковой картины мира» [Попова 1998: 52]. Именно они стали объектом описания в настоящей статье.

Универсальной и господствующей является отыменная конфиксальная модель с префиксом *о-* (*об-*) и суффиксом *-и-* (*огрузинить, омонголить, ошведить* и под.) [Старовойтова 2016: 74–75]³. Своеобразную «языковую моду» на данную словообразовательную модель отмечали исследователи русских литературных текстов XIX в.: «Он <Достоевский> довольно широко применял **модный** недавно **способ образования глаголов** от соответствующих существительных. Мы находим у него: *огуманить, окультурить...*» [Гроссман 1923: 74].

Употребление новообразованной глагольной лексики специальными трудами не ограничивается: глаголы начинают функционировать в самых разных по жанру и стилю текстах (публицистика, беллетристика, эго-документы и др.), подтверждая осмысление говорящими и воплощение в языке фактов реальности, создание метаязыка для описания взаимодействия различных этносов и их представителей в рамках различных социальных систем (семей, различных коллективов, регионов, государств, блоков государств и т. п.) [Старовойтова 2016] и сложение так называемой идеологической нормы эпохи, которая формирует оценочную коннотацию, сопровождающую употребление слова в условиях определенного социокультурного контекста:

Кто знает темный, нарочно оглушенный угро и галицко русский народ, котораго большинство нарочно ничему не учено есть, будет-ли чудоватися, что несколько из них поколебалось и поверило в эти — глупости, особенно та часть угрорусских, которая — **ословачилася**, а с галичан опять та, которая — **сполячилася**. А как-же неверити? [Товт 1897: 21].

³ Описываемое значение для переходного глагола совершенного вида следует считать семантической новацией XIX в., поскольку в XVIII в. глаголы типа *офранцузить* имели только значение, связанное с изменением на иностранный лад слов или манеры речи — ‘переделать на французский лад (слово)’ [Словарь XVIII 2011: 143].

В работах по префиксальному словообразованию последних десятилетий важнейшим стал семантический аспект: исследователи считают, что префиксальное глагольное словообразование является не формально-конвертирующим, а преимущественно семантическим [Черепанов 2004; Дмитриева 2005]. Продолжая традиции отечественной лингвистики в изучении префиксации, которая считается главным средством пополнения глагольной лексики в русском языке, современные лингвисты указывают на сложность исследования данного фрагмента языковой системы, в частности подчеркивается недостаточная изученность проблемы префиксальных глаголов на текстовом материале, когда в употреблении проявляются или формируются особенности глагольной семантики [Кронгауз 1998; Мусиенко 2007; Ли 2013 и др.]. Употребление, таким образом, становится ключевым понятием при анализе лексики в диахроническом аспекте, на что в свое время указывала Л. Л. Кутина [Кутина 1975].

Описание и анализ материала

Системное изучение функционирования отэтнотимных глаголов в текстах XIX в. позволило установить репертуар используемых в процессе деривации префиксов — *за-*, *из-*, *о-* (*об-*), *по-*, *пере-* и некоторых других (*зарусить*, *исфранцузиться*, *поитальяниться*, *сполячиться* и под.). В результате проведенного анализа были выявлены языковые особенности и внеязыковые тенденции, послужившие основанием для объединения глаголов в группы, представленные ниже⁴.

1. Базовая модель для префиксальных отэтнотимных глаголов

Как уже было сказано выше, у отэтнотимных глаголов преобладающим является префикс *о-* (*об-*) — употреблений таких глаголов в различных грамматических формах насчитываются тысячи: «*Вот, например, одна из давних калмыцких песен; буквальный перевод ее сделан одним астраханским стариком мещанином, совершенно окалмычившимся, вследствие постоянного жительства в улусе*» [Небольсин 1852: 131]. Его семантика в базовой для описания межэтнических отношений модели характеризуется самым общим значением, не дифференцированным по степени интенсивности, поэтому при необходимости мера признака и градуальность (степень воздействия/переживаемого состояния) передаются с помощью различных квантификаторов — наречий *вполне*, *значительно*, *окончательно*, *отчасти*, *очень*, *совершенно*, *чрезмерно* и др.:

Мещеряки (выделено в оригинале. — О. С.) или Мещера, турко-финское или лучше сказать **отчасти** отатарившееся, **отчасти** обрусевшее финское племя, уцелевшее ныне только в бывшей Оренбургской, в Пермской, Пензенской и Саратовской г-ях... [Семенов 1867: 231].

⁴ Поскольку в настоящем исследовании основное внимание уделяется префиксам, наряду с переходными глаголами будут рассматриваться и непереходные, обозначающие ‘превращение в кого-, что-л., приобретение каких-л. свойств, качеств, становление каким-л. (в результате действия)’, напр. *обруситься/обрусеть*, *объюкагиреть/объюкагириться* и под. Анализируется употребление глаголов только в прямом значении.

В целом глаголы с указанным префиксом регулярны, частотны и универсальны в отношении употребительности. В определенном смысле их можно назвать стилистически немаркированными, нейтральными.

2. Количественная модификация степени признака, выраженного префиксальными отэтнонимными глаголами

Принятая практика уточнения характеристики глагола с помощью иных лексических средств в контексте тем не менее не исключает возможности выражения градационных отношений самим глаголом, что свойственно ему как части речи [Земская 1992: 23].

2.1. Для рассматриваемой группы лексики количественная модификация степени признака с наибольшей очевидностью представлена в глаголах с префиксом *полу-*, в целом не очень частотных⁵:

Вдруг, как бы случайно, назначен был командиром полка — полковник Шварц, один из тех грубых, жестоких, *полуобрусевших* немцев-фронтовиков, которые в старое (и, скажем, совершенно прошедшее) время принесли много и много зла России вообще и русскому воинству в частности [Семевский 1869: 174].

В ряде случаев префикс *полу-* выступает в своем прямом (количественном) значении: «*Их <литовцев> держава (...) напротив того составляла враждебное Руси государство, у котораго не даром же все время и столицей была не “мать русских городов” Киев, а полурусская и полуопольчанная Вильна...*» [Павлов 1900: 298]. Однако утверждение о том, что отдельные значения лексико-семантической парадигмы префикса реализуются в соответствии с коммуникативной заданностью высказывания [Сергеева 1984: 54], справедливо в отношении отэтнонимных глаголов с префиксом *полу-*. Важно отметить, что «в составе образований широко реализуется и переносное значение» [Востокова 1984: 16], т. е. семантика глагола не передает, как в примере выше, точного обозначения степени модификации признака. В следующем примере лексема *полуословаченный* используется как уточнение общеупотребительной *ословаченный* и с указанием лишь на неполноту признака:

Что касается той *ословаченной* или *полуословаченной* Руси, о которой выше была речь, то Бидерман так выражается об ней... [Будилович 1903: 274].

2.2. Изучение префикса *по-* имеет длительную историю в отечественной лингвистике. Считается, что вторичная приставка *по-* является основным средством выражения значения слабой интенсивности, неполноты [Дмитриева 2005: 132].

В отдельных случаях такое значение можно увидеть в отэтнонимной глагольной лексике⁶:

Но в самом городе, где до жизни коснулась уж греческая и турецкая цивилизация, и болгары *потурчили* свой костюм так же, как *погречили* родные обычаи и язык, многие болгары ходят в европейском костюме с феской на голове, и скорее похожи на турок, чем на болгар или европейцев [Каравелов 1868: 252].

⁵ В исследованном материале представлено тридцать употреблений пяти лексических единиц.

⁶ По числу употреблений глаголы с приставкой *по-* занимают 2-е место после глаголов с приставкой *о-* (*об-*). Было исследовано более 250 употреблений 14 подобных глаголов.

В приведенном примере значение слабой интенсивности со всей очевидностью присуще первому глаголу — *потурчили*, т. е. ‘немного оттурчили’, поскольку речь идет о частичном изменении костюма на турецкий лад (европейский костюм, а на голове феска), и предположительно — исходя из логики событий — второму (*погречили*): вряд ли болгары полностью переиначили родной язык на греческий манер.

Тем не менее при анализе отэтнонимной глагольной лексики не создается впечатления о выражении приставкой *по-* исключительно значения неполноты, ср.:

Апр. 2-е. Братислава. (...) то беда, что борода тут в Венгрии почти без исключения признак злодейской души: это люди, которые бы хотели **помадьярить** весь свет. И что тут должны терпеть Словаки, беда да и только [Срезневский 1893: 348].

Обычно этому препятствуют содержание текста и некоторые лексические средства в контексте, напр. наблюдение о бороде в Венгрии, отличающей людей *злодейской души*, которые хотят *помадьярить* всех и вся, в предшествующем примере или наречие *окончательно* и контекстуальная синонимия единиц *погреченная* и *потерянная для славянства* в следующем:

Македония, еще так недавно казавшаяся **окончательно погреченною** и **потерянною** для славянства, быстро, на глазах, становилась болгарскою... [К. И. 1903: 41].

Довольно часто глаголы с приставкой *по-* употребляются в контекстах, в которых они могут быть заменены глаголами с приставкой *о-* (*об-*): *погречить* — *огречить*, *потурчить* — *отурчить*, иногда даже контактно, выступая в качестве презентантов синонимичных словообразовательных моделей:

...во вновь приобретенныя земли посылались дубровницкие чиновники, (...) из местных же жителей избирались только местные низшие власти: при таком порядке дел скорее эти земли могли **поитальяниться**, чем Дубровник **ославяниться** [Макушев 1867: 298].

Представляется, что данные факты говорят о проявлении такой степени интенсивности, как тотальная. Русская грамматика определяет значение тотального способа действия как значение предельной полноты, интенсивности действия [РГ 1980: 602]. Подобное употребление префикса *по-* (хотя и не частотное) описывается и в других исследованиях, посвященных изучению формирования у него интенсивных значений в истории русского языка [Годизова 2017].

«С глаголами антропоцентричной семантики приставка *по-* может сообщать некоторую модальность, указывая на возможность, желательность продолжения (распространения) действия» [Ли 2013: 158]. Такой вывод о еще одной особенности семантики глаголов с приставкой *по-* в текстах XIX в. нашел подтверждение и в исследованном нами материале (10 % употреблений), антропоцентричность которого не вызывает сомнений:

...болгарская пропаганда создала экзархию не для того, чтобы защитить православную паству от сребролюбивых греческих владык, а для своей частной цели, чтобы **поболгарить** македонское население. Для достижения своей корыстной цели болгарская пропаганда употребляет те же самые средства, как пропаганда католическая или протестант-

ская. С представителями тех пропаганд болгары вошли в соглашение, все из за того, чтобы только **поболгарить** македонян [Воскресенский 1893: 585].

2.3. Глаголы с приставкой *пере-*, несмотря на их незначительное количество в исследованном материале (17 употреблений четырех лексем), представляют собой достаточно пеструю картину.

2.3.1. Считается, что первичной функцией русских глагольных префиксов является выражение пространственных отношений. Так, у отэтнонимных глаголов с префиксом *пере-* внутренняя связь с первичными пространственными значениями ощущается наиболее отчетливо.

Семантика «преобразования предмета» [Палевски 1978: 15] отмечается в большинстве примеров (88 %):

Время, которое я проводил в сем веселом месте, подало случай полькам меня **переполячить** и ежели я в последствии моей жизни сделался смел с женщинами, то источник оной есть из сего моего Шкловскаго пребывания [Пишчевич 1885: 31].

Это значение кажется нам достаточно близким к самому общему для рассматриваемых глаголов, выражаемому с помощью приставки *о-* (*об-*), поэтому отношения, связывающие пары глаголов с приставками *о(б)-* и *пере-* (*обрусеть* — *перерусеть*, *ополячить* — *переполячить*, *офранцузить* — *переофранцузить*), можно считать синонимическими. В контекстах типа вышеприведенного (*подало случай полькам меня переполячить*) теоретически возможна замена глагола (*подало случай полькам меня полячить*), поскольку и тот и другой подходят под толкование, которое иногда встречается в текстах XIX в. для пояснения отэтнонимных глаголов — *переделать на иностранный лад / усвоить иностранный язык, костюм, манеру*.

О близости подобных глаголов свидетельствует и следующий контекст:

Ха, ха, ха, разсмеелась снова княжна, я выдумала новое слово: есть слово **обрусить**, но я выдумала слово: **перерусить**... и ничего, удачно (...), мне предстоит еще много выдумать [Мещерский 1885: 123].

Утверждение героини романа: *есть слово обрусить, но я выдумала слово: перерусить* — не соответствует реальному положению дел, поскольку слово уже существовало, однако подобное метаязыковое комментирование словопроизводства важно, так как характеризует словотворческий потенциал говорящего и — что более важно — особенности словоупотребления: *перерусить* более экспрессивно, чем *обрусить*, оно возникает у героини в момент эмоционального напряжения.

Несмотря на малочисленность глаголов с приставкой *пере-*, их объединяет общая черта — употребление в одном типе дискурса: все обнаруженные примеры используются в эго-документах или в речи героев художественного произведения. По-видимому, данное обстоятельство позволяет говорить о представленности семантической категории интенсивности не только объективной составляющей (мера признака), но и субъективно-прагматической (экспрессивность, оценочность).

Поскольку подобные глаголы создаются по продуктивной словообразовательной модели, их экспрессивный потенциал может быть интерпретирован как сла-

бый, однако решающее значение здесь будет играть фактор употребления. В примере ниже экспрессивность неузального глагола активно поддерживается контекстуальными элементами, подчеркивающими радикальный характер процесса «переполчения»:

...капитан Деконский женился на старшей дочери г-на Депрерадовича. Сей Деконский был Поляк, желавший **переполчить** невоспитанную упрямую Сербку, из чего рождались многия неприятности для спины его супруги. И так в сем городе тогда были две комедии: одна в доме г-на Деконского, а другая в доме г-на Шмита, в обеих не без палочных ударов было [Пишчевич 1885: 97].

Так, характеристика объекта воздействия передается через имена прилагательные *невоспитанная, упрямая*, способ воздействия — через *палочные удары*, последствия — как *неприятности для спины*; оценка действия *переполчить* дана через горько-ироничную номинацию *комедия*. Таким образом, экспрессивность слова в данном примере повышается, поскольку имеет сочетанный характер — ингерентная экспрессивность, по самой их природе свойственная окказиональным словам, и адгерентная — проявляющаяся в соответствующем контексте.

2.3.2. Лексический потенциал приставок позволяет передавать разнообразные смыслы и тем самым обеспечивает семантическую емкость префиксальных образований. Даже единичные употребления некоторых приставочных отэтнотимных глаголов обогащают наши представления о семантико-словообразовательных процессах в русском языке соответствующего периода.

Яркой экспрессивностью обладает окказиональный глагол *перегречить*, имеющий значение ‘превзойти, опередить кого-либо в осуществлении действия’ [Палевски 1978: 15]:

Один <русский писатель> пишет роман девственной Дианы с белым козлом, другой — лезбийския похождения нимф и сатиресс. Я готов предложить премию тому, кто отыщет мне в античной литературе темы этих мифологических клевет. Греков **перегречили!** Знай наших! Это уже — по эллинским канвам пошло вышивать русское распутство [Амфитеатров 1908: 15].

Представленное в лексикографическом источнике семантическое описание глагола с префиксом *пере-* (*Перерусить* (выделено в оригинале. — О. С.), *сделать что невласт поруски, некстати прикинуться русаком* [Даль 1865: 71]) с несколько иной семантикой — ‘избыточность, чрезмерность осуществления процесса’ [Палевски 1978: 15] — в нашем материале подтверждения не нашло, однако скидывать его со счетов не стоит, поскольку оно устойчиво закреплено в языковом сознании носителей русского языка [Серышева 2014].

2.4. Несмотря на ограниченность материала (5 употреблений двух лексем), значение префикса *из(с)-* в отэтнотимных глаголах можно с уверенностью определить как характеристику действия со стороны интенсивности в ее наивысшем проявлении — тотальной. Обнаруженные лексемы — *изрусеть* и *исфранцузиться* — являются непереходными глаголами, представляющими состояние с помощью разных грамматических средств: «...они <народные слова> оскорбят разве только **изрусевшее** ухо чопорного слушателя» [Даль 1880: XXI].

Ряд исследователей считает, что «экспрессивная лексика сосредоточена на тех участках лексической системы, которые обозначают отклонения от нормы явления» [Мусяенко 2007: 193]. Для глаголов с данным префиксом следует констатировать взаимосвязь интенсивности как характеристики проявления глагольного действия (состояния) и стилистической окраски (экспрессивности). Интересно отметить, что выполняемая экспрессивной лексикой функция воздействия в процессе словотворчества оказывается причиной своеобразного «нарушения» структурно-словообразовательных параметров: так, одно и то же значение 'перестать быть русским по привычкам, обычаям, культуре, языку' передается глаголами с одной приставкой, но разными мотивирующими наименованиями этноса, ср.:

Изрусеть (выделено в оригинале. — О. С.),
стать, по привычкам, обычаям и духу своему, нерусским, выродиться [Даль 1881: 31].

Что же касается до Бар-<атынско>го, я перестал веровать в его талант. Он исфранцузился вовсе [Бестужев 1881: 427].

Исходя из логики, опирающейся на типологию словообразовательных типов, более «правильной» кажется форма *изрусеть*. Наличие же параллельной формы с иной мотивирующей основой, на наш взгляд, также может рассматриваться как факт словотворчества, при котором главенствующую роль играет семантика приставки — характеристика действия (состояния) в наивысшем проявлении интенсивности. Контекст (точнее, описываемая в нем ситуация) позволяет адресату правильно интерпретировать коммуникативное намерение пишущего в отношении указания, какой именно этнос влияет на другой. Образованная форма является ярким экспрессивным средством, подчеркивающим авторскую оценку ситуации, а экспрессия всегда «недискретна, нелогична, способна передавать отношение говорящего к излагаемой информации, т. е. обладает когнитивной сущностью» [Сивова 2006: 172].

2.5. Отэтнонимные глаголы с приставкой *за-* встречаются чрезвычайно редко (6 употреблений трех лексем), тем не менее и они дают интересный материал для наблюдения и составления наиболее полной картины определенного класса слов.

Непереходный глагол передает обычное для рассматриваемой группы лексиче-ского значения 'приобрести признак, превратиться в то, что названо производящим словом'⁷, правда, словарное толкование указывает на результативность с оттенком чрезмерности проявления состояния, что маркируется наречием *вовсе* и эмоционально окрашенным глаголом *закоснеть*: «*Зарусеть* (выделено в оригинале. — О. С.), *обрусеть* *вовсе*, *порусеть*, *закоснеть* в русском быту» [Даль 1880: 650]. Следовательно, подобные употребления (4 из 6) также связаны с интенсивностью глагольного действия.

Исследователи префиксального словообразования утверждают, что необходимо «рассматривать взаимодействие приставки с текстом с точки зрения анализа семантики префиксальных глаголов, поскольку «с одной стороны, приставка помогает интерпретировать текст, с другой стороны, текст помогает выбрать подходящее значение приставки и приставочного глагола» [Кронгауз 1998: 121]. С этих

⁷ Подобное значение в истории языка передавалось конфиксальной моделью с суффиксом *-и-*: *заспесивити* от *спесивый*, *задавнити* от *давний* [Левицкая 2012].

позиций небезынтересно проанализировать употребление глагольной формы в следующем контексте:

Приезжим с севера в наши крымские города: Симферополь, Севастополь, Ялту, Феодосию, даже в какой-нибудь *загатаревшийся* Карасубазар или Бахчисарай, невольно бра-сается в глаза, что здесь легковые извозчики ездят и конечно возят пассажиров парюю большею частью рослых и красивых лошадей... [Палимпсестов 1885: 383].

С точки зрения системы, глагольная новация должна была бы иметь вид *зататареть* или *зататариться*, следовательно, в тексте используется гиперкорректная форма, в которой соединены два грамматических показателя с одним значением (-е- и -ся), что может свидетельствовать об «окказиональности» лексемы, отсутствию давней традиции и, соответственно, сложившейся нормы ее употребления. Что же касается семантики глагола, то отсутствие в контексте квантитативов или интенсификаторов не создает условий для точных выводов в отношении актуализации той или иной семы. Если следовать словарному толкованию, то значение лексемы определяем как ‘совсем отатареть, закоснуть в татарском быту’, опровергнуть эту версию может лишь историческое расследование о степени «отатаренья» названных крымских городов в описываемую эпоху.

В заключение данного раздела, как нам кажется, уместно включить комментарий о стилистической интерпретации приставочных отэтнотимных глаголов. Количественная модификация степени признака тесно связана с категорией интенсивности. Вопрос о связи интенсивности действия со стилистической характеристикой русских глаголов был поставлен и частично решен в ряде исследований, напр. [Мусяенко 2007]. При этом подчеркивается важность наблюдения над функционированием глаголов в речевой деятельности [там же: 200]. Контекстуальный анализ отэтнотимных глаголов, обозначающих влияние одного этноса на другой путем придания/приобретения каких-либо свойств, качеств в результате действия, позволил нам скорректировать вывод исследователя о том, что у 63 % глаголов с семой интенсивности существует связь с их стилистическими характеристиками [там же: 199]: на фоне стилистически нейтральных глаголов с приставкой *о-* (*об-*) глаголы с другими приставками более чем в 90 % случаев характеризуются стилистической маркированностью, выступая в роли стилистического средства.

3. Семантика и парадигматика отдельных префиксальных отэтнотимных глаголов

Глагольные префиксы, по общему мнению, являются важнейшим деривационным средством, см., напр., [Кронгауз 1998], и таким образом префиксальные производные глаголы отражают разнообразные значения — темпоральные, локальные и мн. др.

3.1. Глагол с приставкой *за-* и суффиксом *-и-* среди рассматриваемых глаголов — своеобразное исключение: он не является переходным, как другие кон-фиксальные отэтнотимные глаголы (*ополячить кого-л.*, *переполячить кого-л.*, *пополячить кого-л.*): «*Зарусачить или зарусить* (выделено в оригинале. — О. С.), *начать резко, смешно, тщеславно выставляться руским, соблюдая напоказ народные обы-чаи*» [Даль 1880: 650]. Он маркирует «начинательность» действия; это типично для

префикса, но не совсем обычно для глаголов, мотивированных этнонимами, что не исключает подобного употребления, ср. аналогичное явление в сербском языке: *затурчати, затурчам, начать говорить или пить по турецки* [Мичатек 1903: 161].

3.2. Словообразовательная модель с префиксом *о-* (*об-*) предполагает лексико-грамматическую антонимию, основанную на противопоставлении префиксов *о(б)-* ‘наделить кого-, что-л. тем, что названо мотивирующим словом’ и *раз(с)-* ‘лишить кого-, что-л. того, что названо мотивирующим словом’. От этнонимные глаголы с приставкой *раз(с)-* хорошо известны текстам разных жанров (57 употреблений 8 лексем в исследованном материале):

Короче сказать, здесь <в Буковине> русскому населению не доверяют и потому стараются так или иначе **разрушить** его [Крестовский 1900: 320].

В следующем примере отрицательная авторская оценка действия «благодетелей», выраженного от этнонимным глаголом, в отношении определенной этнической группы усиливается сочетанием *окончательное нравственное разложение* в более широком контексте:

Эти радикальные благодетели <«украинофилы» или «народовцы» в Черновцах> тоже, подобно немцам, желали бы «**разрушить**» здешняго русака и предпочитают лучше ополчить его, чем дозволить ему оставаться самим собою [Крестовский 1900: 321].

Думается, что функциональный потенциал подобных глаголов состоит в создании экспрессивной формы выражения, «отражающей определенную коммуникативную установку говорящего» [Земская 1987: 67].

3.3. Лексико-грамматическая антонимия, основанная на противопоставлении префиксов, в рассматриваемой группе глаголов представлена также парой *зарусеть* (‘обрусеть вовсе, порусеть, закоснеть в русском быту’ [Даль 1880: 650]) — *изрусеть* (‘стать, по привычкам, обычаям и духу своему, нерусским, выродиться’ [Даль 1881: 31]).

4. Особенности употребления

В данном разделе представлены некоторые комментарии к употреблению приставочных от этнонимных глаголов в текстах XIX в.

4.1. Интересная особенность наблюдается у глаголов с префиксом *по-*: наиболее регулярно они образуются от этнонимов, связанных со славянством — его историей и современностью, а также встречаются в текстах, переведенных на русский со славянских языков: «своеобразным оператором лингвализации картины мира» [Мусиенко 2007: 193] оказывается так называемый славянский вопрос.

4.2. Определенная закономерность наблюдается в употреблении глаголов с префиксом *раз-*: большинство примеров в исследованном материале являет собой контактное употребление антонимичных глагольных пар с *о-* (*об-*) и *раз-*:

Но стремление **располячить** те русския земли, которыя издавна были подчинены бывшему польскому государству, не должно переходить в посползновение **обрусить** чисто русския земли [Каблиц 1886: 225].

По-видимому, подобное употребление стоит рассматривать как фигуру речи, преследующую цель за счет контраста привлечь внимание к описываемому событию или феномену. Использование глаголов с префиксом *раз-*, таким образом, усиливает пафос высказывания.

Можно предложить и еще одно объяснение подобному феномену. Если за предметно-понятийную норму проявления действия принять конфиксальную модель с префиксом *о-* (*об-*), то замена префикса на антонимичный ведет к отклонению от нее, что «влечет за собой и отклонение от стилистической нормы» [Мусиенко 2007: 199]. Таким образом, глаголы с префиксом *раз(с)-* становятся стилистически маркированными.

4.3. Определение значения префикса *из(с)-* в отэтнонимных глаголах как наивысшего проявления интенсивности подтверждается еще одним фактором — отсутствием переходного глагола, соответствующего конфиксальной модели *из(с)- + -и-*. Такая лакуна может быть объяснена сложностью темы межэтнических контактов и стремлением в целом к предельной деликатности в их описании, чему противоречит использование переходного глагола, обозначающего воздействие [Старовойтова 2016: 74–75].

4.4. В XIX в. в системе письменной речи важную роль начинают играть элементы просторечия. Глагольный префикс *с-* является ярким его маркером:

Кто знает темный, нарочно оглушенный угро и галицко русский народ, котораго большинство нарочно ничему не учено есть, будет-ли чудоватися, что несколько из них поколебалось и поверило в эти — глупости, особенно та часть угрорусских, которая — ослочивалася, а с галичан опять та, которая — **сполячилася** [Товт 1897: 21].

В функциональном плане назначение отэтнонимных глаголов с префиксом *с-* — выполнение роли стилистического синонима к общеупотребительным глаголам с префиксом *о-* (*об-*):

Кракусы, например, с ужасным соблезнованием говорят, что прусаки «**снемчили**» Познань; что уж в польских семьях нередко говорят между собою по-немецки, а в рабочих классах есть люди, совсем забывшие польскую речь. Но, — прибавляют они с болезненным вздохом, — кто же виноват этому? сами познанцы. (...) Поляк так же свободен в Познани, как и пруссак, и уж немчатся они не по прусской вине. Конечно, школы не так устроены, как бы хотелось, да вон посмотрите-ка на чехов, на моравов, уж там наши покровители австрийцы шага не дают ступить, а найдите-ко **онемченного** чеха или чешку! [Лесков 1862].

Использование графического знака кавычек («**снемчили**») является указанием на вставленный в авторский текст элемент чужой речи, причем речи разговорной: *Кракусы (...) говорят*.

4.5. Экспланаторный характер современной лингвистики требует уделить внимание еще одной особенности употребления в текстах XIX в. отэтнонимной приставочной глагольной лексики — возможное ее выделение знаком кавычек. В подобном случае имеет место графический вариант представления метаязыковой рефлексии, которая характеризует языковую личность, ее коммуникативные намерения или предпочтения. Следует отметить, что проанализированный материал

(более 70 употреблений) не дает однозначного ответа на вопрос о целях автора. Так, в кавычках может употребляться глагол с любой приставкой, образованный от названия любого этноса, т. е. не только окказиональный, но и узуальный:

Кавказская жизнь заставила его <писателя С. И. Васюкова> «порусеть», вызвала в нем прилив бывших под спудом националистических дум и чувств и воскресила в его лице того коренного москвича, который, живя с соседом-инородцем в наружном мире и согласии, остается верен своим русским думам... [Б. Г. 1908: 200].

В случаях с приставкой *раз-*, как нам кажется, выражается не только отношение к «необычным» с точки зрения норм употребления лексемам, но и подчеркивается их экспрессивный характер (см. выше).

«Мирочувствование и мировосприятие» конкретной языковой личности, таким образом, находит еще один способ привлечения внимания к своему видению проблемы взаимоотношений людей разных национальностей.

Заключение

Постоянно изменяющиеся условия жизни и ценности вынуждают людей приспособляться к ним, выбирать различные аккультурационные стратегии. Речевая деятельность человека всегда включена в социальную деятельность, поэтому принятие на себя новых социальных ролей, связанных в том числе и с межэтническим взаимодействием, с неизбежностью ведет к появлению новых лексических единиц, описывающих разные виды такого взаимодействия. Мотивированная этнонимами глагольная лексика наглядно подтверждает тезис о «деятельностном характере словообразования», демонстрируя воздействие экстралингвистических факторов на речевое поведение человека, в том числе словотворчество. «Всякое *слово*, получающее место в лексиконе *языка*, есть событие в области мысли, можно сказать, и в области гражданской жизни», — считал В. А. Жуковский [Жуковский 2016: 454]. Об этом свидетельствуют и факты метаязыковой рефлексии в отношении отэтнонимных глаголов с различными приставками.

Конфиксальная отэтнонимная глагольная лексика, описывающая отношения этносов, в русском языке XIX в. характеризуется новизной, частотностью употребления в текстах разных жанров, системностью и ярко выраженной антропоцентричностью. Она образует четко структурированную подсистему лексикона. Системность исследуемой группы лексики в значительной мере обеспечивается характером глагольной деривации, связанной со структурными особенностями и спецификой семантики.

Набор словообразовательных формантов не очень велик, однако семантическая емкость префиксов и их функциональный потенциал находят отражение в узусе эпохи. Роль большинства префиксов в рассматриваемой конфиксальной словообразовательной модели состоит в выражении разной степени интенсивности действия. Анализ контекстов, включающих отэтнонимные глаголы с различными префиксами (кроме базового *о-* (*об-*)), свидетельствует о появлении у последних оценочности, основанной на эмоциональном отношении к действительности, и определенного стилистического статуса. Использование подобных глаголов

становится мощным стилистическим ресурсом, а также риторическим приемом, направленным на декларацию авторской позиции, на выражение небезразличного отношения к вопросу межэтнических контактов и проблемам межэтнического взаимодействия.

Источники и справочная литература

- Амфитеатров 1908 — Амфитеатров А. Времена и нравы. В кн.: *Против течения*. СПб.: Прометей, 1908. С. 1–15.
- Б. Г. 1908 — Б. Г. Памяти С. И. Васюкова. *Исторический вестник*. 1908, СХІІІ: 198–205.
- Бестужев 1881 — Бестужев-Марлинский А. А. Псм. А. С. Пушкину 9 марта 1825 г. *Русский архив*. 1881, I (2): 425–427.
- Будилович 1903 — Будилович А. К вопросу о племенных отношениях в Угорской Руси. *Живая старина*. 1903, III: 265–275.
- Воскресенский 1893 — Воскресенский Г. А. Из церковной жизни южных славян: 1. Из церковной жизни болгар. *Богословский вестник*. 1893, I (3): 559–596.
- Даль 1865 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч.* Ч. 3. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1865. 508 с.
- Даль 1880 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* 2-е изд., исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1. А–З. М.; СПб.: М. О. Вольф, 1880. 723 с.
- Даль 1881 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* 2-е изд., исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 2. И–О. М.; СПб.: М. О. Вольф, 1881. 807 с.
- Жуковский 2016 — Жуковский В. А. Философический язык. В кн.: Жуковский В. А. *Полное собрание сочинений и писем: в 20 т.* Т. 11. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. С. 452–473.
- К. И. 1903 — К. И. Македония и македонский вопрос. *Русское богатство*. 1903, 10: 30–65.
- Каблиц 1886 — Каблиц И. И. *Интеллигенция и народ в общественной жизни России*. СПб.: тип. Н. А. Лебедева, 1886. 305 с.
- Кавелин 1847 — Кавелин К. Д. Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории. *Отечественные записки*. 1847, LI: 1–46.
- Каравелов 1868 — Каравелов Л. *Страницы из книги страданий болгарского племени. Повести и рассказы*. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1868. 312 с.
- Крестовский 1900 — Крестовский В. В. Русский город под австрийской маркой. В кн.: *Собрание сочинений В. В. Крестовского*. Елец Ю. Л. (ред.). Т. VII. СПб.: Обществ. польза, 1900. С. 309–349.
- Лесков 1862 — Лесков Н. С. Город Краков. [Электронный ресурс]. М.: Инфра-М, 2015. 9 с. URL: <http://znanium.com/catalog/product/526832> (дата обращения: 14.09.2018).
- Майнов 1885 — Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. *Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии*. 1885, XIV (1): 1–267.
- Макушев 1867 — Макушев В. В. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. *Приложение к XI-му тому Записок Императорской Академии наук*. 1867, 5: 1–446.
- Мещерский 1885 — Мещерский В. П. *Хочу быть русскою: роман из большого петербургского света: в 2 т.* 4-е изд. Т. 1. СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1885. 299 с.
- Мичатек 1903 — Мичатек Л. А., Лавров П. А. *Дифференциальный сербско-русский словарь и краткая грамматика сербского языка*. СПб., 1903. 727 с.
- Мориц 1804 — Мориц К. *Путешествие г-на Морица по Англии*. Перевод с нем. М.: В вольной типографии Гария и компании, 1804. 2 т.
- Небольсин 1852 — Небольсин П. *Очерки быта калмыков Хошоутовского уезда*. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Павлов 1900 — Павлов Н. М. *Русская история от древнейших времен. Первые пять веков родной старины. (862–1362)*. Т. 3. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 431 с.
- Палимпсестов 1885 — Палимпсестов И. У. Возражающийся Севастополь. Путевые наброски. Окончание. *Русский вестник*. 1885, 177 (май): 356–385.

- Пищевич 1885 — Жизнь А. С. Пищевича, им самим описанная 1764–1805. В 3 ч. С предисл. и прим. Д. Чл. Нила Попова. *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. 1885, 1 (январь — март): 1–112.
- Попов 1869 — Попов Н. *Россия и Сербия: исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год*. Ч. П. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1869. 669 с.
- Ратч 1867 — Ратч В. Пруссаки в бывших польских областях (Из рукописи Т. П, гл. XVI: «Сведения о польском мятеже 1863 года в С.З. России, собрал В. Ратч»). *Вестник Западной России*. 1867, X (IV): 1–23.
- РГ 1980 — *Русская грамматика*. В 2 т. Шведова Н. Ю. (ред.). Т. 1. М.: Наука, 1980. 784 с.
- Семевский 1869 — Семевский М. Граф Михаил Андреевич Милорадович. *Военный сборник*. 1869, 10: 141–190.
- Семенов 1867 — *Географическо-статистический словарь Российской империи*. Семенов П. (сост.). СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1867. 743 с.
- Словарь XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 8 (Крада — Лящина). М.: Наука, 1981. 351 с.; Вып. 12 (О — Опарный). 1987. 383 с.; Вып. 16 (Поднавъсь — Поманути), 1990. 295 с.; Вып. 18 (Потка — Пренаальный). 1992. 288 с.
- Словарь XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*. Сорокин Ю. С. и др. (ред.). Вып. 18 (Открытие — Пъна). СПб.: Наука, 2011. 260 с.
- Срезневский 1893 — Срезневский И. И. Псм. № 51 1842 г. (Путевья письма И. И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842)). *Живая старина*. 1893, III: 330–373.
- Товт 1897 — Товт А., протоиерей. *Что делается в хате соседа?* Нью-Йорк: [Б. и.], 1897. 47 с.
- Этнонимы 1970 — *Этнонимы*. Никонов В. А. (отв. ред.). М.: Наука. Главная редакция восточной лит-ры, 1970. 271 с.

Литература

- Арутюнова 1992 — Арутюнова Н. Д. От редактора. В кн.: *Логический анализ языка. Модели действия*. Арутюнова Н. Д. (ред.). М.: Наука, 1992. С. 3–4.
- Богородский 2004 — Богородский В. А. О словообразовании этнонимов в русском языке XVIII века. В кн.: *Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект*. Казань: КФУ, 2004. С. 48–53.
- Вендина 2002 — Вендина Т. И. *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*. М.: Индрик, 2002. 336 с.
- Востокова 1984 — Востокова Г. В. *История и семантическое развитие образований с полъ (пол-/полу-) в русском языке XI–XVII вв*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.01 — русский язык). М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова, 1984. 22 с.
- Годизова 2017 — Годизова З. И. Интенсивные значения приставки *по-* в диахроническом аспекте. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2017, 2: 200–205.
- Гроссман 1923 — Гроссман Л. П. *Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии*. М.; Пг.: Госуд. изд-во, 1923. 126 с.
- Гусаева 2012 — Гусаева К. Г. Межнациональные отношения как форма социального взаимодействия. *Политика и общество*. 2012, 1: 44–57.
- Дмитриева 2005 — Дмитриева О. И. *Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации*. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2005. 224 с.
- Земская 1987 — Земская Е. А. Функциональный подход к изучению деривационных морфем. В кн.: *Морфемика. Принципы и методы системного описания. Межвузовский сборник*. Герд А. С., Бондарко Л. В. (ред.). Л.: Ленингр. ун-т, 1987. С. 65–73.
- Земская 1992 — Земская Е. А. *Словообразование как деятельность*. М.: Наука, 1992. 221 с.
- Кронгауз 1998 — Кронгауз М. А. *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. М.: Языки русской культуры, 1998. 288 с.
- Кутина 1975 — Кутина Л. Л. Лексическая сочетаемость в историческом словаре и ее роль в описании семантики и словоупотребления. В кн.: *Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы конференции, октябрь 1975 г. Москва. Посвящается 50-летию Картотеки*

- ДРС. Богатова Г. А., Дерягин В. Я. (ред.). *Вып. 4: Теория и практика исторической лексикографии*. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1975. С. 9–13.
- Левицкая 2012 — Левицкая А. Д. Динамика словообразовательных процессов: глагольные префиксация и конфикация. *Вестник Волгоградского университета*. 2012, 2 (16): 150–153.
- Ли 2013 — Ли Ч. *Просторечные глаголы префиксального образования: лексико-грамматический аспект (на материале драматургии XIX века)*. Дис. ... канд. филол. наук (10.02.01 — русский язык). СПб.: СПбГУ, 2013. 200 с.
- Муслиенко 2007 — Муслиенко В. П. Стилистическая характеристика глаголов со значением интенсивности действия. *Стил*. 2007, 6: 191–201.
- Палевски 1978 — Палевски В. *Глаголы с приставкой пере- и их производящие в современном русском языке (структурно-семантическая характеристика)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.01 — русский язык). Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1978. 21 с.
- Попова 1998 — Попова Т. В. *Деривационно-семантическое пространство русского глагола*. Дис. ... д-ра филол. наук (10.02.01 — русский язык). Екатеринбург: Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького, 1998. 691 с.
- Сергеева 1984 — Сергеева Т. Д. *Вопросы семантической типологии глагольной лексики*. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1984. 186 с.
- Серышева 2014 — Серышева Ю. В., Филь Ю. В. Глаголы с вторичными префиксами *пере-* и *недо-* сквозь призму языкового сознания носителей русского языка. *Вестник Томского государственного университета*. 2014, 386: 24–35.
- Сивова 2006 — Сивова А. А. *Структурно-семантические особенности окказиональных слов в публицистике последней трети XX — начала XXI в.* Дис. ... канд. филол. наук (10.02.01 — русский язык). Н. Новгород: НГПУ, 2006. 282 с.
- Старовойтова 2013 — Старовойтова О. А. Функционирование глаголов, мотивированных этнонимами, в русском языке XIX века. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2013, IX (2): 511–529.
- Старовойтова 2016 — Старовойтова О. А. Глаголы в описании межэтнических контактов в русском языке XIX века: становление метаязыка. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2016, 4: 73–78.
- Черепанов 2004 — Черепанов М. В. *Очерк словообразовательной типологии русского глагола*. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. 350 с.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2018 г.

Статья рекомендована в печать 28 января 2019 г.

Olga Albertovna Starovoitova

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
o.starovoitova@spbu.ru

Semantics and the functional potential of prefixal verbs derived from names of the ethnos in 19th century Russian language

For citation: Starovoitova O. A. Semantics and the functional potential of prefixal verbs derived from names of the ethnos in 19th century Russian language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (2): 272–290. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.208> (In Russian)

Any serious socio-historical event in the life of an ethnos requires the creation of a metalanguage; because of this, Russian language verbs derived from the names of nations and nationalities (ethnonyms) appeared in the nineteenth-century. Being at the intersection of two major linguistic tendencies — the realization of word-formation system potential and the need for linguistic expression of new concepts from various spheres of social life — they form a constantly growing vocabulary and became an indicator of extraordinary activity of national language conscious-

ness. For the language view of the world, the subfield of a change in the qualitative state (which includes prefixal verbs derived from the names of the ethnoses which describe the problems of interethnic contacts) is significant. The confixal model with the prefix *o-* (*ob-*) was universal for this lexicon, but models with other prefixes began to compete, for example, *za-*, *iz-*, *po-*, and others. Due to prefixes, the quantitative modification of the degree of the characteristic varies, since the verb as a part of speech has a gradational relationship. The seed of intensity, actualized by a prefix, can act as means for forming an expression. The active use of such verbs in 19th century texts of different genres demonstrates the significant potential of verbal lexicon in a system of stylistic resources. It is the anthropocentricity which determined the appearance of their evaluativity, based on an emotional attitude to reality, and a certain stylistic status.

Keywords: Russian language, historical lexicology, historical word formation, prefixal verbs, verbs derived from the names of the ethnoses.

References

- Арутюнова 1992 — Arutiunova N. D. From the editor. In: *Logicheskii analiz iazyka. Modeli deistviia*. Arutiunova N. D. (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1992. P. 3–4. (In Russian)
- Борогродский 2004 — Bogorodskii V. A. On the formation of ethnonyms in the Russian language of the XVIII century. In: *Russkaia i sopostavitel'naia filologiia: lingvokul'turologicheskii aspekt*. Kazan: Kazan Federal University Press, 2004. P. 48–53. (In Russian)
- Вендина 2002 — Vendina T. I. *Medieval man in the mirror of the Old Slavonic language*. Moscow: Indrik Publ., 2002. 336 p. (In Russian)
- Востокова 1984 — Vostokova G. V. *The history and semantic development of words with the pol (pol-/polu-) in XI–XVII centuries Russian language*. Synopsis of the PhD thesis (Philology). Institute of Russian Language, USSR Academy of Sciences. Advisor G. A. Bogatova. Moscow, 1984. 22 p. (In Russian)
- Годизова 2017 — Godizova Z. I. The intensive meaning of the prefix *po-* in the diachronic aspect. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2017, 2: 200–205. (In Russian)
- Гроссман 1923 — Grossman L. P. *Seminary on Dostoevsky. Materials, bibliography and comments*. Moscow, Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 126 p. (In Russian)
- Гусаева 2012 — Gusaeva K. G. Interethnic relations as a form of social interaction. *Politika i obshchestvo*. 2012, 1: 44–57. (In Russian)
- Дмитриева 2005 — Dmitrieva O. I. *Dynamic model of Russian intraverb prefixation*. Saratov: Saratov State University Press, 2005. 224 p. (In Russian)
- Земская 1987 — Zemskaja E. A. Functional approach to the study of derivational morphemes. In: *Morfemika. Printsipy i metody sistemnogo opisaniia*. Gerd A. S., Bondarko L. V. (eds.). Leningrad: Leningrad State University Press, 1987. P. 65–73. (In Russian)
- Земская 1992 — Zemskaja E. A. *Word formation as activity*. Moscow: Nauka Publ., 1992. 221 p. (In Russian)
- Кронгауз 1998 — Krongauz M. A. *Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 288 p. (In Russian)
- Кутина 1975 — Kutina L. L. Lexical compatibility in the historical dictionary and its role in the description of semantics and word usage. In: *Problemy slavianskoi istoricheskoi leksikologii i leksikografii. Conference Abstracts, October 1975, Moscow*. Bogatova G. A., Deriagin V. Ia. (eds.). Vol. 4. Moscow: Institute of Slavonic and Balkan Studies of the USSR Academy of Sciences, 1975. P. 9–13. (In Russian)
- Левицкая 2012 — Levitskaia A. D. Dynamics of verbal derivational processes: confixation and prefixation. *Vestnik Volgogradskogo universiteta*. 2012, 2 (16): 150–153. (In Russian)
- Ли 2013 — Li Ch. *The colloquial verbs of prefix formation: the lexical and grammatical aspect (based on the dramatic art of the 19th century)*. PhD thesis (Philology). St. Petersburg State University. Advisor V. N. Kalinovskaia. St. Petersburg, 2013. 200 p. (In Russian)
- Мусяенко 2007 — Musienko V. P. Stylistic characteristics of verbs with the meaning of intensity of action. *Stil*. 2007, 6: 191–201. (In Russian)
- Палевски 1978 — Palevski V. *Verbs with the prefix pere- and their generants in the modern Russian language (structural-semantic characteristic)*. Synopsis of the PhD thesis (Philology). Leningrad State University. Advisor A. I. Moiseev. Leningrad, 1978. 21 p. (In Russian)

- Попова 1998 — Popova T. V. *Derivational-semantic space of Russian verb*. PhD thesis (Philology). Ural State Pedagogical University. Advisor L. G. Babenko. Yekaterinburg, 1998. 691 p. (In Russian)
- Сергеева 1984 — Sergeeva T. D. *Questions of semantic typology of verbal vocabulary*. Barnaul: Altai State University Press., 1984. 186 p. (In Russian)
- Серышева 2014 — Serysheva Iu. V., Fil' Iu. V. Verbs with secondary prefixes pere- and nedo- in the linguistic consciousness of Russian speakers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, 386: 24–35. (In Russian)
- Сивова 2006 — Sivova A. A. *Structural and semantic features of occasional words in publicism of the last third of the XX — early XXI centuries*. PhD thesis (Philology). Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Advisor L. V. Ratsiburskaia. Nizhny Novgorod, 2006. 282 p. (In Russian)
- Старовойтова 2013 — Starovoitova O. A. Verbs derived from ethnonyms in the XIX Century Russian. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2013, IX (2): 511–529. (In Russian)
- Старовойтова 2016 — Starovoitova O. A. Verbs in the description of the interethnic contacts in the 19th century Russian language: metalanguage formation. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. 2016, 4: 73–78. (In Russian)
- Черепанов 2004 — Cherepanov M. V. *Sketch of the word-formation typology of the Russian verb*. Saratov: Saratov State University Press, 2004. 350 p. (In Russian)

Received: September 30, 2018

Accepted: January 28, 2019